

Отношения между резиденцией госпожи Фань и Резиденцией хоу Хуайюань окончательно зашли в тупик. Ни сам Чжао Дэчан, ни Старая госпожа не могли даже порога переступить, чтобы увидеться с госпожой Фань. Врата надёжно охраняли гвардейцы князя Дуаня — ведь в доме поселился сам Маленький князь. Без его прямого приказа никто не осмелился бы сделать и шага. Неужели они принимают резиденцию князя Дуаня за пустую декорацию?

Столичная знать и благородные дамы не переставали дивиться удаче госпожи Фань. Шептались, что она не просто спасла наследника князя Дуаня, но и полностью подчинила его своей воле. Посмотрите сами: вернувшись в Пекин, мальчик даже в родном дворце жить не захотел — остался у неё. Неужели хоу Хуайюань пойдёт жаловаться государю в Цзиньлуаньдянь? Это лишь выставит его на посмешище: высокопоставленный чиновник, не способный навести порядок в собственном доме — зрелище жалкое.

Шум поднялся такой, что в резиденции князя Чэна уже не могли притворяться неосведомлёнными. Владыка кипел от негодования. Хоу Хуайюань казался ему теперь верхом ничтожества: позволить женщине так помыкать собой и опозорить имя рода, так ещё и бросить тень на Резиденцию князя Чэн! Эта неприязнь коснулась и Чжао Ханя, который ещё даже не переступил порог их дворца.

— О чём ты думаешь? — спросил князь сына. — Всё ещё собираешься ввести этого шуаньэр в наш дом? Ты ведь знаешь, что он не родной по крови дому хоу, а всего лишь сын торговца.

По правде говоря, князь Чэн считал, что даже место наложника для такого — слишком высокая честь. Будь его воля, он бы вовсе расторг помолвку.

Сяо Минжуй, как и полагалось главному герою, обладал незаурядной статью, но последние слухи из Резиденции хоу Хуайюань заставляли его чувствовать себя неловко. Его будущая официальная супруга была выбрана самим императором — не без участия Гуйфэй из императорского дворца, — поэтому он и так не питал к ней нежных чувств. Чжао Хань, встреченный им случайно, стал истинной отрадой для его сердца. Несмотря на недовольство отца, он всё ещё не мог окончательно отказаться от своей привязанности.

— Отец, Чжао Хань ни в чём не виноват, — возразил наследник. — Во всём виноваты хоу и его жена — их неумение решать семейные дела. Особенно госпожа Фань. Она действует на эмоциях, ни капли не заботясь о чести дома. Думала ли она о том, что почувствует Хань-эр?

Князь Чэн не был ослеплён чувствами. Услышав, что сын ни в чём не винит своего любимца, он лишь сузил глаза:

— Минжуй, я спрошу тебя прямо: будь ты на месте госпожи Фань, смог бы ты спокойно смотреть на приёмша, чей родной отец сгубил твоё дитя? Если бы не доброта госпожи, Чжао Хань так и остался бы сыном лавочника. Шестнадцать лет он пользовался благами, которые ему не принадлежали. Ты ведь знаешь, как живут эти торговцы. Разве кто-то из их сословия

когда-либо был достоин твоего внимания?

У князя Чэна хватало и своих купцов, что искали его покровительства. Но для него они были лишь инструментами для добычи золота — без его поддержки они не значили ничего. Поэтому, когда правда о происхождении Чжао Ханя всплыла, князь более не желал видеть его в роли бокового консорта. Раз сыну он так дорог — пусть берёт его наложником.

— Неужели шестнадцать лет материнской любви можно просто перечеркнуть? — нахмурился Сяо Минжуй. — Неужели чувства можно отбросить в один миг?

— Но другой-то ребёнок мёртв! Как ты прикажешь той женщине смотреть на этого приёмыша? Разве что тот мальчик вернулся бы живым, и они воспитывали бы обоих — тогда ещё можно было бы говорить о мире. Вот ты, Минжуй, не мой родной сын, но я вкладываю в тебя все силы. Почему? Только потому, что в твоих жилах течёт кровь нашего дома. А ты сам — будь у тебя выбор между родным сыном и приёмным, неужели ты отдал бы всё приёмышу?

Молодой господин на мгновение представил себя на её месте и понял, что не смог бы поступить иначе. Однако, вспомнив, как Хань-эр рыдал в его объятиях, он снова почувствовал укол нежности.

— Чжао Хань этого не хотел.

Князь Чэн окончательно разочаровался в выборе сына. Этот шуаньэр оказался слишком искусен, раз так легко подчинил себе сердце наследника. Владыка не верил, что Чжао Хань во всей этой истории остался кристально чист — ведь он был единственным, кто получил выгоду от подмены.

— Мне неважно, что он там хотел или нет. Я против того, чтобы он становился твоим боковым консортом. Минжуй, ты многого не знаешь: его биологическая семья уже осуждена и отправлена в ссылку. Пусть он и вырос в благородном доме, но тот человек — его настоящий отец, а значит, сам он — сын преступника. Если он так тебе дорог — введи его в свои задние покои. Там можешь баловать его как угодно. Но сейчас подумай о государе и мнении чиновников. Пока твоё будущее не предрешено, я не хочу видеть, как ты слишком много внимания уделяешь любовным интригам. Когда займёшь трон — тогда и вознаградишь его.

Князь Чэн говорил твёрдо и ясно, стараясь не доводить дело до открытой ссоры. Его сын может быть усыновлён императором и в будущем станет правителем страны — захочет ли он тогда по-прежнему почитать своего приёмного отца, было большим вопросом.

Поэтому владыка действовал осторожно. Он был уверен: стоит наследнику получить власть, и Чжао Хань станет лишь одной из многих теней в его гареме, о которой тот быстро забудет.

Сяо Минжуй заколебался. Слова о престоле подействовали на него сильнее, чем жалобы возлюбленного. Действительно, подобает ли сыну ссыльного преступника быть его

официальным консортом? Что скажут министры? Чиновники, вставшие на его сторону, уже начали осторожно намекать на это.

Князь, видя сомнения сына, закрепил успех:

— Подумай над этим, Минжуй. Отец желает тебе только добра.

Сказав это, князь Чэн покинул кабинет. Наследник провёл в одиночестве более часа, пока его размышления не прервал слуга. Тот сообщил, что Чжао Хань прислал из резиденции хоу письмо, в котором умолял о встрече.

Раньше молодой господин, не раздумывая, помчался бы к нему. Но сейчас, не приняв окончательного решения, он лишь почувствовал досаду.

— Передай ему, что я в последнее время слишком занят государственными делами. Навещу его, как только освобожусь.

Слуга вздрогнул. Он ясно видел, что его господин ничем не занят. Однако, не смея перечить, он лишь низко поклонился и пошёл выполнять приказ.

В резиденции хоу Чжао Хань, получив ответ, впервые ощутил ледяное дыхание страха.

«Как это возможно? — юноша ощутил, как по спине пробежал холодок. — Сяо Минжуй не хочет меня видеть? Неужели он нашёл дела важнее нашей встречи?»

Раньше он был абсолютно уверен: в этой жизни принц любит именно его, а не Ло Юаньцзина. Он считал, что стоит ему войти в дом князя Чэна как младшему супругу, и неважно, насколько его не будет любить официальная жена — он всё равно будет править всем. В прошлой жизни всё было именно так: Сяо Минжуй, взойдя на престол, сразу возвысил Ло Юаньцзина до ранга Гуйфэй и отдал в его руки всё управление гаремом.

Именно поэтому Чжао Хань не воспринимал всерьёз хоу Хуайюаня и госпожу Фань. Он считал, что пока сердце Минжуйя принадлежит ему, у него есть всё. Он не желал унижаться перед этой женщиной, полагая, что хоу и Старая госпожа всегда будут на его стороне.

Его главной опорой был Сяо Минжуй — будущий император. Но если тот отвернётся от него, что у него останется?

— В чём дело? Ты расспросил того, кто принёс весть? Чем именно занят наследник? — не унимался Чжао Хань.

— Молодой господин, я не посмел лезть не в своё дело, — пролепетал слуга. Тот ведь — наследник князя Чэна, разве дозволено слугам расспрашивать о его делах?

— Бесплезное ничтожество! — взорвался Чжао Хань. — Пошёл прочь! И не возвращайся, пока не узнаешь, что происходит!

Слуга бросился вон, надеясь искупить вину. Вернулся он через пару часов, и лицо его было бледным.

— Говори! Что случилось? — резко спросил Чжао Хань.

— Молодой господин... — слуга замялся, но под тяжёлым взглядом хозяина выдавил: — Я слышал... семью Ло из Нинчэна... их всех приговорили к ссылке.

Чжао Хань, чьи мысли до этого были заняты лишь принцем, внезапно прозрел. Он понял, где кроется корень беды. Бессильно опустившись в кресло, он прошептал:

— Как это могло произойти? Как это могло произойти... но при чём здесь я? Я ведь Чжао Хань!

Если бы не внезапная холодность принца, он, возможно, и не придал бы значения судьбе семьи Ло. Для него было важно лишь то, что Ло Юаньцзин больше не мешает. Но теперь всё связалось в один узел.

«Нет, я должен увидеть Минжуйя. — Юноша решительно сжал кисть. — Приготовь чернила. Я сам напишу ему письмо. Он обязан встретиться со мной!»

Он стиснул зубы. Он не мог сдать сейчас, когда был в шаге от цели.

— И ещё... разузнай, кто приложил руку к делу семьи Ло. Неужели эта женщина решила окончательно меня погубить? — резко приказал он.

Слуга содрогнулся. Его господин больше не называл госпожу Фань матерью — лишь «этой женщиной». Но пути назад не было, они плыли в одной лодке.

Пока письмо летело к адресату, слуги разузнали правду о семье Ло. Приказ о ссылке отдала не госпожа Фань. Это Чжао Ци, когда ездил в Нинчэн за матерью, потребовал от местных чиновников покарать тех людей.

Услышав имя старшего брата, Чжао Хань искажился в гневной гримасе.

«Чжао Ци предал меня! А я-то думал, что он на моей стороне».

Впрочем, чего ещё было ждать? В прошлой жизни, когда Ло Юаньцзин вошёл в дом князя Чэна, все в резиденции хоу пресмыкались перед ним, забыв о Чжао Хане. Его даже выдали замуж куда-то подальше, лишь бы он не портил репутацию «настоящего» сына.

Теперь в сердце юноши, рядом с ненавистью к госпоже Фань, пустила корни ненависть и к Чжао Ци.

Сяо Минжуй, получив второе письмо, всё же согласился на встречу. Не потому, что его тронули слова в послании, а потому, что он принял окончательное решение. Чжао Хань всегда был понимающим, и наследник надеялся, что тот поймёт его и на этот раз. А когда власть окажется в его руках — он обязательно вознаградит своего любимца.

<http://bllate.org/book/15835/1506811>